

Информационно-психологическая безопасность (ИПБ) общества, включающая в себя защищенность его мировоззренческого, ментального, коммуникативного, когнитивного компонентов, является важным фактором сохранения национальной безопасности, а интеграция усилий в этой сфере – фактором обеспечения коллективной безопасности единого информационного пространства и защиты национальных интересов государства. Указанное свидетельствует о необходимости оптимизации стратегии и тактики правового обеспечения ИПБ общества в виде концептуальной модели развития правового регулирования гуманитарной сферы информационной безопасности. Первым шагом на этом пути стало признание места и значения гуманитарной составляющей информационной безопасности в структуре национальной безопасности государства. Полагая, что следующим этапом оптимизации правового регулирования должно стать признание информационно-психологической безопасности обособленным нормативным институтом (ее институционализация) и определение целей, принципов и задач информационной политики в сфере обеспечения ИПБ. Деструктивное информационное воздействие признается в национальных правовых актах, документах стратегического и программного характера угрозой информационной безопасности, что свидетельствует о фактическом признании информационно-психологической безопасности самостоятельным объектом правового регулирования и охраны.

В условиях проявляющейся тенденции стремительного нарастания массива правового инструментария обеспечения ИПБ особое значение приобретает разработка программно-целевых норм, в том числе моделирующего рекомендательного характера, определяющих цели и базовый комплекс регуляторов гуманитарной составляющей информационной безопасности, механизмы их реализации, направления и способы сближения национального законодательства в сфере обеспечения коллективной информационной безопасности в долгосрочной перспективе.

В качестве модельной программы совершенствования механизма правового обеспечения ИПБ, методологической основы для разработки конкретных модельных правовых актов в данной сфере, обеспечения их полноты, согласованности, непротиворечивости, своевременности разработки и принятия правовых решений в условиях динамично меняющегося спектра вызовов и угроз можно предложить Концепцию правового обеспечения информационно-психологической безопасности на пространстве ОДКБ.

Обеспечение системности и согласованности правовых средств обеспечения ИПБ возможно на основе определения общих императивов, принципов, задач информационной политики в гуманитарной сфере. Закрепление таковых позволит преодолеть имеющуюся сегодня сегментарность, а в отдельных случаях – противоречивость способов и средств правового регулирования гуманитарной сферы информационной безопасности. Важной задачей на этом пути является определение целей, объектов, эффективных средств правового воздействия на гуманитарную сферу информационной безопасности, определение роли и функций политических и социальных институтов в ее обеспечении.

В качестве фундаментальной методологической основы совершенствования правовой политики в сфере противодействия информационной деструкции и защиты ИПБ на пространстве ОДКБ могут быть использованы идеологические императивы, отражающие общие базовые ценности государств-членов ОДКБ, охрана которых является безусловным требованием их прогрессивного развития и сохранения международной стабильности и безопасности.

Разработка предлагаемой Концепции предполагает определение в механизме правового регулирования значения и возможностей использования как регулятивного, так и охранительного потенциала права как системы правовых гарантий ИПБ, включая в себя правовые средства защиты от деструктивного информационного воздействия на индивидуальное и общественное сознание, политические, экономические и социальные процессы. При этом следует отметить, что национальное охранительное законодательство государств-членов ОДКБ сегодня очень динамично меняется с учетом того, что противоправные деяния все в большей степени характеризуются как деяния информационные – совершаемые посредством создания и оборота информации.

Резюмируя изложенное, отметим, что информационно-психологическая безопасность как формирующийся обособленный комплексный нормативный институт требует определения долгосрочной стратегии совершенствования правовой информационной политики. Стратегия правового обеспечения ИПБ – это система целенаправленного долговременного реагирования на вызовы и угрозы деструктивного информационного воздействия в целях противодействия манипулированию общественным сознанием и вмешательству во внутренние дела государства. Разработка Концепции правового обеспечения информационно-психологической безопасности на пространстве ОДКБ как документа стратегического планирования позволит закрепить правовые основы для создания общего правового пространства информационно-психологической безопасности, определить способы совершенствования правовых механизмов предотвращения угроз деструктивному воздействию на общественно-политическую и социально-экономическую обстановку в зоне ответственности ОДКБ, а также приоритетные направления гармонизации законодательства и совершенствования правовой базы международного сотрудничества. Разработка предлагаемой Концепции позволит повысить уровень обеспеченности гуманитарной сферы информационной безопасности юридическими ресурсами и тезаурусом, создать прочный идеологический и научный фундамент для совершенствования правового механизма обеспечения ИПБ на пространстве ОДКБ и развития международного сотрудничества.

УДК 343.211

А.В. Ковальчук

ЭКОНОМИЯ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ: ПОНЯТИЕ, СОДЕРЖАНИЕ И ЦЕЛИ

Обращаясь к пониманию сущности экономии уголовно-правового воздействия, необходимо определить, какие собственно меры относятся к уголовно-правовому воздействию, так как в теории уголовного права по данному вопросу еще не выработано единого мнения. Чаще всего уголовно-правовое воздействие ученые воспринимают как применение и использование

уголовного наказания, иных мер уголовной ответственности в отношении лиц, нарушивших уголовный закон. Однако такой подход к пониманию уголовно-правового воздействия, на наш взгляд, достаточно узок, не отвечает современному содержанию уголовного законодательства, актуальным потребностям социума и правоприменительной практики, не учитывает, что уголовное право воздействует на преступность не только практической реализацией мер принуждения, хотя таковые являются первостепенными, но еще и регламентацией мер поощрения, стимулирования позитивного посткриминального преступного поведения, оказывает серьезное воспитательное и профилактическое воздействие на законопослушных и неустойчивых лиц, склонных к совершению преступлений, уже самим наличием в Уголовном кодексе Республики Беларусь (УК) уголовно-правовых норм. Данная идея позволяет рассматривать уголовно-правовое воздействие в широком смысле, что в большей степени соответствует нашему пониманию изучаемого правового феномена.

В связи с указанным к уголовно-правовому воздействию следует относить две системообразующие группы мер. Первая группа представлена мерами опосредованного уголовно-правового воздействия, к которым относятся установление уголовно-правовых запретов и иных уголовно-правовых норм. Указанная группа мер распространяется на отношения, возникающие еще до совершения деяний, характеризующихся признаками, предусмотренными УК, и адресована не только лицам, на которых возложена обязанность не нарушать уголовно-правовые запреты, но и правоприменительным органам, которым надлежит уяснить содержание и обеспечить применение уголовно-правовых норм. Вторая группа выражается в мерах непосредственного уголовно-правового воздействия, так как последние распространяются на отношения, возникающие в связи с совершением деяний, характеризующихся признаками, предусмотренными УК, и адресованные лицам, совершившим указанные деяния, а также правоприменительным органам при применении уголовно-правовых норм. К мерам непосредственного уголовно-правового воздействия относятся меры уголовно-правового принуждения, призванные воздействовать на лиц, совершивших преступления посредством мер уголовной ответственности, а также иных мер принудительного характера к лицам, совершившим общественно опасные деяния, предусмотренные УК; меры уголовно-правового предписания, регламентирующие правоприменителю основание и порядок применения уголовно-правовых норм вообще; меры уголовно-правового дозволения, разрешающие лицу при соблюдении соответствующих оснований и условий совершать деяния, формально содержащие признаки какого-либо деяния, предусмотренного уголовным законом; меры уголовно-правового поощрения, стимулирующие не только отказ от совершения преступления, но и совершение действий, устраняющих или уменьшающих причиненный общественно опасным деянием вред, а также позитивное поведение осужденных во время отбывания назначенных им мер уголовной ответственности.

На основании сказанного следует заключить, что уголовно-правовое воздействие представляет собой влияние специфических, присущих уголовному праву методов на общественные отношения, возникающие как до совершения общественно опасных деяний, характеризующихся признаками, предусмотренными УК, так и в связи с их совершением. К данным методам относятся методы уголовно-правового запрета, уголовно-правового принуждения, уголовно-правового предписания, уголовно-правового дозволения и уголовно-правового поощрения.

В настоящее время нормы, регламентирующие в УК меры уголовно-правового воздействия, несвободны от излишней строгости и чрезмерной мягкости, что свидетельствует о разбалансированности и десинхронизации нормативного материала рассматриваемого кодифицированного правового акта. Усугубляет ситуацию наличие социально необусловленных уголовно-правовых запретов, приводящих к перегруженности и «инфляции» уголовного закона, размытость границ между преступлениями и административными правонарушениями, отсутствие должной дифференциации уголовной ответственности и индивидуализации уголовного наказания, а также факты широкого усмотрения правоприменителей при принятии решений по материалам проверок и уголовным делам, что, в конечном итоге, не способствует реализации принципов законности, равенства граждан перед законом, неотвратимости ответственности, справедливости и гуманизма. Указанные обстоятельства нарушают систему действующих сдержек и противовесов уголовного закона, представленную совокупностью запретов и дозволений, тормозят развитие прогрессивных процессов в уголовном законодательстве.

Таким образом, назрела потребность в разработке взвешенной, научно-обоснованной, доктринальной Концепции экономии уголовно-правового воздействия, призванной устранить избыточную строгость уголовного закона и чрезмерную экономию поощрительных его мер. При этом, на наш взгляд, центральной прогрессивной идеей, находящей свое отражение в концепции экономии уголовно-правового воздействия, является подход, согласно которому нормотворец при конструировании либо реформировании норм уголовного законодательства должен позаботиться о регламентации социально оправданных, оптимально допустимых, необходимых и достаточных для решения задач уголовного закона и достижения целей уголовной ответственности четких границ опосредованного или непосредственного уголовно-правового воздействия с обязательным закреплением в УК положений, при наличии (соблюдении) которых возможно неприменение либо сокращение указанных мер.

Исходя из вышеизложенного необходимо сделать вывод о том, что под экономией уголовно-правового воздействия следует понимать установление и реализацию социально оправданных, оптимально допустимых, запретительных, принудительных, предписывающих, дозволительных и поощрительных мер уголовно-правового воздействия, обеспеченных возможностью их неприменения либо сокращения, необходимых и достаточных для решения задач уголовного закона и достижения целей уголовной ответственности.

Разработка указанной Концепции позволит реализовать достижение следующих целей: на общесоциальном уровне повысить авторитет уголовного закона, уровень его гуманизации, социальную справедливость, общественное и профессиональное правосознание; на законодательном уровне устранить излишнюю строгость уголовно-правовых норм и чрезмерную их мягкость, перегруженность и «инфляцию» уголовного закона, разрешить проблему наиболее точной дифференциации уголовной ответственности, повысить уровень правовой определенности уголовно-правовых норм, устранить размытость границ между преступлениями и административными правонарушениями; на правоприменительном уровне повысить реа-

лизацию принципов уголовного закона и уголовной ответственности, способствовать предупреждению преступных посягательств, минимизировать широкое усмотрение правоприменителей, снизить уровень судимости и рецидива, повысить уровень исправления и ресоциализации осужденных; на финансово-экономическом уровне оптимизировать бюджетные расходы государства на предварительное расследование, судопроизводство и исполнение наказаний, сэкономить государственные бюджетные средства и обеспечить их последующее эффективное применение для противодействия преступности.

УДК 343.54

Н.И. Козелецкая

О СОСТОЯНИИ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В СФЕРЕ ЗАЩИТЫ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ОТ ПОСЯГАТЕЛЬСТВ НА ИХ ПОЛОВУЮ НЕПРИКОСНОВЕННОСТЬ

Устанавливая уголовную ответственность за половые ненасильственные преступления, законодатель исходил из того, что потерпевшее лицо из-за психологической незрелости может не осознавать в полной мере характер совершаемых с ним действий, физические, нравственные, психологические, социальные и иные последствия и, соответственно, стать жертвой осознанных и волевых действий совершеннолетнего лица. Именно поэтому ответственность за действия сексуального характера с лицом, заведомо не достигшим шестнадцатилетнего возраста, предусмотренные ст. 168 Уголовного кодекса Республики Беларусь (УК Республики Беларусь) наступает только при условии доказанности того, что виновный совершил запрещенное уголовным законом деяние, заведомо зная возраст такого лица.

Некоторое время российский законодатель устанавливал в качестве дополнительного условия наличия состава преступления, предусмотренного ст. 134 УК Российской Федерации недостижение половой зрелости несовершеннолетнего. При буквальном толковании закона следовало, что ненасильственное половое сношение, мужеложство, лесбиянство с лицом, моложе шестнадцати лет, но достигшим половой зрелости, не образовывали состава преступления. Впоследствии данный признак был исключен из диспозиции статьи.

Отметим, что уровень психического развития и восприятия потерпевшим совершаемых с ним действий – основной критерий разграничения преступления, предусмотренного ст. 168 УК, и насильственных действий, связанных с актами сексуальной агрессии в отношении несовершеннолетних, находящихся в беспомощном состоянии. Для правильной квалификации преступлений рассматриваемого вида необходимо прежде всего определить, могло ли потерпевшее лицо в силу возраста и психического развития сознавать характер совершаемых с ним действий? Если будет установлено, что несовершеннолетнее лицо в момент посягательства не понимало суть и значение совершаемого в отношении его деяния, либо не могло оказать виновному сопротивление или иным образом избежать опасности, данное состояние с точки зрения закона следует оценивать как беспомощное.

Правоприменительная практика длительное время демонстрировала определенные сложности, возникающие в разграничении преступлений, предусмотренных ст. 166–168 УК Республики Беларусь. Так, одни и те же действия в одних случаях квалифицировались как изнасилование с использованием беспомощного состояния, а в других – как добровольное половое сношение с лицом моложе шестнадцати лет. Обусловлено это было тонкой гранью между осознанными действиями несовершеннолетнего и его беспомощным состоянием.

Внесенные в 2021 г. изменения и дополнения в отечественный уголовный закон позволили в какой-то степени разрешить существующую проблему и тем самым усилить охрану половой неприкосновенности малолетних лиц. В УК Республики Беларусь появилась новая группа потерпевших несовершеннолетних, сексуальные действия с которыми не признаются добровольными ни при каких обстоятельствах. Согласно примечанию к ст. 166 УК малолетний, не достигший двенадцатилетнего возраста на момент совершения в отношении него преступления, признается находящимся в беспомощном состоянии, а действия виновного лица подлежат квалификации по ч. 3 ст. 166 или ч. 3 ст. 167 УК.

Законодательная новелла заслуживает поддержки, но одновременно вызывает и ряд вопросов. Проблема в том, что в правоприменительной практике имеют место случаи вменения лицу признака беспомощного состояния, которое ввиду активного физического и сексуального развития подростка было настолько для обвиняемого неочевидным, что не могло охватываться его умыслом. Кроме того, несовершеннолетний потерпевший в ряде случаев сам способен проявить повышенный интерес к сексуальным отношениям, выступить инициатором сексуального контакта и в силу этого либо по иным причинам осознанно завысить свой возраст. Проблема остро стала ощущаться при оценке действий лиц несовершеннолетнего возраста, совершивших преступление в отношении малолетних младше двенадцати лет. Ситуацию усугубляет отсутствие единообразной практики толкования понятий «иные действия сексуального характера» и «развратные действия».

В данной связи следует разработать четкий понятийный аппарат, позволяющий отграничить иные действия сексуального характера от развратных действий, с помощью которого получится отразить это в постановлении Пленума Верховного Суда Республики Беларусь «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности или половой свободы (ст. 166–170 УК)».

Из-за распространения на практике случаев вступления в половое сношение супругов, один из которых не достиг шестнадцатилетнего возраста, законодателем было принято решение ввести примечание к ст. 168 УК с возможностью освобождения виновного лица от ответственности, если будет установлено, что это лицо и совершенное им преступление перестали быть общественно опасными в связи со вступлением в брак с потерпевшей (потерпевшим).

Ранее в практике подобные действия оценивались судами как малозначительное деяние, формально содержащее в действиях второго супруга признаки состава преступления, предусмотренного ст. 168 УК, но в силу ч. 4 ст. 11 УК не обладали